Чернов С.З.

ПРИРОДА И БЫТ В "ЖИТИИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО"

"Житие Сергия Радонежского", написанное Епифанием Премудрым около 1418 г., заключает в себе важные свидетельства о жизни Московской Руси XIV в., духовной атмосфере и мировидении той эпохи. Как в любом литературном памятнике, эти свидетельства вплетены в сложную идейную ткань произведения. Поэтому предпринимаемые, порой, попытки механически извлечь данные о реалиях того времени из текста "Жития" не приводят к желаемому результату. Лишь поняв под каким углом зрения Епифаний Премудрый видит жизненные реалии и уяснив их роль в идейном и художественном замысле "Жития", мы можем в полной мере оценить глубину этого произведения и правильно истолковать содержащиеся в нем сведения.

Особенности изображения природы и быта в "Житии Сергия Радонежского" часто оказывались в поле зрения исследователей[1/], но специально эта тема не изучалась. В настоящее вре-

1/ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, С.98-110; Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. - М., 1909; Грихин В.А. Творчество Епифания Премудрого и его место в древнерусской культуре конца XIV - начала XV в. Автореф.дисс.канд.филол.наук. М., 1974; Прохоров Г.М. Епифаний Премудрый // ТОДРЛ, Т.XL. Л.: Наука, 1985, С.77-91; Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI вв. Переяславский уезд. М., Л., 1966, С.68-71.

мя появились материалы, с помощью которых можно по-новому взглянуть на этот интересный сюжет. Благодаря историко-археологическим и палео-географическим исследованиям воссозданы этапы заселения земель, окружавших Троицкий монастырь, и характерные черты хозяйства. В сочетании с троицкими актами пер.пол. ХУ в. эти данные дали возможность довольно полно представить облик Радонежского края в ХIУ в.[I/]. Как пейзажная зарисовка, сопоставленная с фотографией той же местности, открывает ранее неуловимые особенности восприятия живописца, так картины природы и быта[2/], нарисованные в "Житии", будучи сопоставлены с исторической реконструкцией, яснее передают характерные черты мироведения агиографа.

Как только мы перестаем объяснять все непонятное в "Житии" лишь заданностью агиографического жанра, перед нами начинает раскрываться художественное пространство этого произведения во всей его необычности. Там, где по законам ренессансной перспективы жизненные реалии должны быть изображены подробно, Епифаний кладет лишь несколько мазков. А рядом взгляд агиографа проникает сквозь дымку, скрывающую дальние

I/ Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа: происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М., 1989. Материалы об окрестностях Троицкого монастыря готовятся к печати.

2/ Эти понятия, употребляемые в их современном и чуждом средневековью значении, используются лишь для того, чтобы показать какой круг текстов разбирается в данной статье (см.: Ахутин А.В. Понятие "природа" в античности и в Новое время. М.: Наука, 1988. - С.24-30).

планы видимой им картины и перед читателем со всей ясностью встают образы, выражающие основные мысли автора.

Так, например, о связях монастыря с князем Владимиром Андреевичем в "Житии" сказано предельно кратко. Между тем кн.Владимир владел землями Радонежа, на которых располагался монастырь ("Бѣ бо обитель святого въ отчествѣ его" (С.138)[1]) и был связан с ним многочисленными узами. О посещении монастыря кн.Владимиром мы узнаем лишь однажды, причем это описание возникает на страницах "Жития" лишь как отсвет видéния отца Исакия Молчальника, которое подобно молнии высвечивает несколько мгновений жизни монастыря около 1370 г.[2]. Епифаний изображает божественную литургию в Троицком соборе. Сергий со Стефаном и Федором служат в алтаре. Рядом с ними Исакию внезапно видится "чудный муж", облик которого исполнен "светлости велицей". "И бывшу прьвому въходу, - продолжает агиограф, - и тъй аггелообразный и чюдный муж изыде въслѣд святого, ему же сиающе, яко солнце, лица его, не можаше зрѣти на нь; ризы же его необычны, чюдны, блистающеся,в них же мечтание златостройно зрится" (С.124). Вначале монахи полагают, что перед ними священник, пришедший с князем, но узнав, что в составе княжеской свиты священника не было, убеждаются, что с Сергием служил ангел Божий.

1/ Ссылки, приведенные в скобках, даются по изданию: Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия-чудотворца и похвальное слово ему /Сообщил архим.Леонид// Памятники древней письменности и искусства; Т.58- СПб., 1985.

2/ До этого времени (год основания Симонова монастыря) в монастыре жил племянник Сергия Федор, упоминаемый в этом рассказе.

В приведенном примере отчетливо предстают два плана художественного пространства "Жития". То, что не одухотворено божественной благодатью, дается как далекий фон, все же, в чем прозреваются прообразы жизни вечной, дано с удивительной ясностью и верностью реальности. Это, собственно, и есть подлинна реальность, по воззрениям агиографа. Когда Епифаний стремится передать ее в художественных формах, из под его пера выходят изображения, которые, если сравнить их с произведениями иконописи, как бы пронизаны "златостройным" ассистом, выявляющим отсветы горнего света.

Обращаясь к тому, как Епифаний рисует окружающий человека "Бого-зданный", тварный мир, мы встречаем здесь некоторые черты, на первый взгляд, не вполне укладывающиеся в эту, свойственную эпохе, схему миросозерцания. Поражает "реализм" Епифания. Г.М.Прохоров пишет, например, что Епифаний "обращает иногда... пристальное внимание на чувственно воспринимаемую сторону предметов"[1/].

Попытаемся проследить как преломляются эти особенности восприятия при изображении Епифанием природы и быта. Ценный материал для подобных наблюдений почерпнут из описаний монастыря и его окрестностей, которые проходят через весь текст "Жития" и принадлежат Епифанию Премудрому как в части замысла, так и в части художественного воплощения. Данный ряд описаний призван раскрыть мысль о том, как преподобный Сергий Божьим промыслом "пустыню яко град сътвори" (С.298). В связи с этим высказывалось предположение о том, что для большей наглядности Епифаний мог преувеличить пустынность места, на ко-

---

1/ Прохоров Г.М. Указ.соч. - С.84.

тором возник Троицкий монастырь[1]. Рассмотрим этот вопрос.

Епифаний сообщает, что,покинув монастырь "святыя Богородица у Покрова иже на Хотьков ", Варфоломей вместе со своим братом иноком Стефаном "обходиста по лесом многа мѣста и послѣди приидоста на едино мѣсто пустыни, въ чащах лѣса, имуща и воду" (С.38). Братья "сътвориста одрину и хизину и покрыста ю", "създаста кѣлию" и "срубиста" "церквицу малу" (С.39), которая вскоре была освящена во имя Св.Троицы священниками, пришедшими "от митрополита Феогнаста" (С.40). Это произошло, по словам агиографа, в начале княжения Симеона Гордого, то есть после I октября 1340 г.[2], скорее всего летом 134I г. Вскоре Стефан покинул место новооснованной "пустыни". Объясняя уход Стефана, Епифаний указывает на трудности пустынножительства: "труд пустынный, житие скръбно, житие жестко, отвсюду теснота, отвсюду недостаткы, не имущим ниоткуду ниястие, ни питиа, ни прочих, яже на потребу"(С.4I). Далее агиограф обрисовывает окружение холма Маковец, на котором была основана Троицкая церковь: "не бѣ бо окрестъ пустыня тоя близъ тогда ни селъ, ни дворовъ, ни людей, живущих в них; ни пути людскаго ниоткуду же, и не бѣ мимоходящаго, ни посѣщающаго, но округъ мѣста того съ всѣ страны все лѣсъ, все пустыня" (С.4I).

По мнению И.И.Бурейченко, "Епифаний вступает в противоречие с самим собой, с одной стороны, рассказывая, что монастырь был поставлен в еще незаселенном месте.., а с другой -

2./ ПСРЛ, Т.ХУ. Вып.I. Пгр., 1922, Стлб.53.

I / Бурейченко И.И. К истории основания Троице-Сергиева монастыря// Сообщения Загорского историко-художественного музея-заповедника. Вып.3. Загорск, 1960. - С.I8-22.

давая понять, что район был хорошо освоен еще до основания"1/. На самом же деле противоречия здесь нет. Просто исследователь смешивает сведения источника о заселении окрестностей Радонежа (глава "О преселении родителей святого") и округи самого монастыря. Пытаясь обосновать мысль о заселении округи монастыря до 1350-х гг. И.И.Бурейченко привлекает упоминания в духовных грамотах вел.кн.Ивана Калиты слободки Софроновской "на Воре" и с.Шараповского2/. Однако первое поселение располагалось не ближе 15 км от монастыря, а для идентификации второго с с.Шараповым, близлежащей к монастырю волости Кинелы3/, оснований нет. И.И.Бурейченко использует кроме того гипотезу С.Б.Веселовского о времени возникновения вотчины, принадлежавшей в нач.XV в. Семену Яковлевичу Зубачеву и входившей частью - в Радонежский удел, а частью - Переяславский уезд, относившийся к великому княжению. С.Б.Веселовский предположил, что владение Зубачевых образовалось до того времени, когда Радонеж был дан в удел кн.Андрею Ивановичу (пер.пол. XIV в.)4/. Между тем вотчина могла сложиться и в период, когда Радонеж входил в удел вдовы вел.кн.Ивана Калиты княгини Ульяны. Такая возможность не учтена И.И.Бурейченко, так как им были оставлены без внимания указания источников о сущест-

---

1/ Бурейченко И.И. Указ.соч. - С.18.

2/ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М., Л., 1950, С.8,9,10.

3/ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т.I. М., 1952, № 81.

4/ Там же, С.592, прим. к № 17.

вовании удела Ульяны в 1350-60-е гг.[1]

Археологические исследования показали, что в первой пол. XIУ в. не были заселены не только окрестности холма Маковец на севере Радонежской волости, но и ее центральная часть. В лежащем к востоку от Маковца Кинельском стане[2] ближайшие селения располагались на р.Вондюге и на среднем течении р.Торгоши в 8-10 км от Маковца. В этом месте Торгошу пересекала в XIУ в. дорога из Москвы в Переяславль - "великый и широкый путь вселюдскый", как называет ее Епифаний (С.83). Верховья же Торгоши и ее притока Кончуры, на берегу которой была поставлена церковь Троицы, заселены не были. Здесь, как свидетельствуют ботанические исследования, господствовали леса таежного типа, небольшая часть которых сохранилась до нашего времени в районе монастырских Скитов. К северу от монастыря простирались покрытые густыми ельниками водоразделы, с которых брали начало реки Веля и Кунья (притоки р.Дубны), принадлежащие к Волжскому бассейну. В ту пору поселения (они относились к Переяславским волостям) существовали лишь на среднем течении этих рек. Таким образом свидетельство Епифания о незаселенности места будущего монастыря согласуется с имеющимися в нашем распоряжении данными.

1/ Духовные и договорные... С.15,20. См.: Бурейченко И.И. Указ.соч. - С.18.

2/ Путь, ведущий от монастыря "на Кинелу" упоминается в "Житии" при описании событий более позднего времени (С.110).

3/ Чернов С.З. Вотчина Ворониных// Вестн.Моск.ун-та. Сер.8. История, 1982, № 6, С.91,93; Его же. Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982, С.107-109.

23 октября, видимо, 1342 г. "на память святых мученикъ Сергиа и Вакха" юноша Варфоломей, которому исполнилось 20 лет, был пострижен в монахи игуменом-старцем Митрофаном[1/]. По словам Епифания, Сергий "единствовал" в пустыни около 2 лет. Об этом периоде жизни Сергия повествуется в главе "О прогнании бѣсов молитвами святаго". Здесь ярче, чем где бы то ни было в "Житии" изображены суровые условия пустынножительства: "Мѣсто пусто, мѣсто безгодно и не проходно, съ всѣ страны до людей далече, и никто же от человек не поисѣщает здѣ" (С.51). Епифаний перемежает в этой главе картины "нахождения" на Сергия звериных стай и сцены "дѣмоньскаа converted dѣйства ". Причем, чем более осознан у Епифания смысловой параллелизм "дѣмонских" и звериных "нахождений", тем богаче деталями его рассказ. По сообщению агиографа, Сергию часто приходилось терпеть "звѣринаа устрѣмлениа". "Мнози бо звѣрие, - продолжает он, - ... въ тъй пустыни тогда обрѣтахуся". Далее это описание разворачивается, наполняясь подробностями, которые по своему характеру не могут быть ничем иным как записями устных рассказов "самовидцев": "Овы стадом выюще, ревуще прохождааху, а друзии же немнозѣ, но или два или трие, или единъ по единому мимо течяху, овии же отдалече, а друзии близ блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко и нюхающе его" (С.55). В то же время очевидно, что этот пассаж по своей динамике перекликается с изображением "нахождения"

1/ По другим спискам Варфоломею исполнилось тогда 23 года, что делает возможным 1345 г. как год пострига. О Митрофане см.: Голубинский Е.Е. Указ.соч. - С.26.

бесов. "И се бѣси, - читаем мы несколько выше. - мнози пакы наидоша на блаженнаго стадом бесчинно, въпиюще и с прещениемь глаголюще..." (С.5I). Оба приведенных наблюдения - "реалистичность" зарисовки звериного стада и определенная заданность параллели - звериное стадо - нахождение бесов - справедливы. Устойчивое представление той эпохи о суетной подвижности и необузданности демонических сил будило воображение и помогало запечатлеть те же черты, присущие звериным стаям, не привыкшим стеречься человеческого жилья.

Идея преодоления демонических начал подвигом подвижника проводится Епифанием с неукоснительной последовательностью, свойственной учительной литературе. Эта идея оформляется в виде знаменитого рассказа о Сергии и медведе. Незатейливый строй этого рассказа, идущий от устного источника, убеждает, что назидательное начало здесь - не схема, наложенная на повествование, но скорее форма ви́дения средневекового человека. Благодаря подобному ви́дению этот сюжет привлек внимание и был запечетлен в художественной форме.

Подробности, взятые из жизни, следуют в этом рассказе одна за другой. Сергий "полагает" хлеб, предназначающийся зверю, "на пень или на колоду". Медведь не просто берет хлеб, но "възем усты своими и отхожаше". Фраза о медведе, не получившем "урочнаго укруха", стала классическим примером острой социальной наблюдательности автора, но она является одновременно и живой зарисовкой повадкой животного: оставшись без ожидаемой пищи, медведь не уходил, "но стояше възираа сѣмо и овамо, ожидаа, акы нѣкий злый длъжник, хотя въсприати длъгъ свой" (С.55,56).

По прошествии примерно двух лет пустынь "начаша посѣщати ... мниси", число которых постепенно достигло 12 (С.59). Епифаний называет некоторых из радонежских святителей по именам. "От них же бѣ единъ – начинает он этот перечень, – старець Василий, рекомый Сухий, иже в прьвых от страны пришедый от врьхъ Дубны" (С.63). В последнем пояснении отражена как бы малая толика Руси "Жития Сергия Радонежского". Местности этой Руси называются лишь от случая к случаю, но представления об окружающих Троицкий монастырь просторах постоянно присутствует за строками. Оттуда, из бескрайних лесных пространств, гряда за грядой уходящих к Клязьме и Волге, вскоре начнут стекаться к монастырю иноки и "християне" "от сел". Приход первых монахов – предвестие этого.

Русь, как она видится от церкви святой Троицы – нечто большее и качественно иное, чем Московская земля, известная по княжеским грамотам. Города и "веси" – будь то Ростов или Москва, Переяславль или Смоленск – упоминаются в "Житии" со своеобразным пиитетом. Так, например, о Стефане Пермском сообщается, что он совершал "шествие пути от своея епископиа, Перми глаголемыа, к господьствующему граду Москвѣ" (С.115). Если же требуется сказать о каком-либо малом селении, то Епифаний прикурачивает его к чему-либо более значимому. "Б вельмуга, – начинает он одну из глав "Жития", – вдали от лавры преподобного отца нашего на рѣцѣ, Волзѣ глаголемѣй" (С.103).

Местность, откуда пришел Василий Сухий, полагая начало людскому потоку, вскоре устремящемуся к Троицкому монастырю, многозначительно названа "страной". Слово это возникает на страницах "Жития" всегда, когда Епифаний хочет сказать о той Руси, ради которой совершает свой подвиг преподобний (С.7,

109). Связанное этимологически со словами "простор" и "простираться", оно в отличие от понятия "земля", обозначающего твердо очерченную княжескими рубежами территорию, имеет значение "территория и народ живущий на ней"[1/].

Рассказав о первых монахах – "посолнике" Иакове Якуте и диаконе Онисиме, – Епифаний обрисовывает облик первоначального монастыря: "Келиам же зиждемым и тыном огражденным, не зѣло пространнѣйшимь, но и вратаря сущихь ту у врат пристави, от них же сам Сергий трие или четыре келии сам своима рукама създа". Развивая мысль о трудолюбии преподобного, агиограф продолжает: "Ово дрова на раму своею от лѣса ношаше, и яко же по келиам раздробляя и растесаа, разношаше, на полѣна разсѣкаа" (С.64). Вторгаясь этим дробящим действительность описанием в самую ткань быта, Епифаний, кажется, на мгновение допускает сомнение в значимости сообщаемых подробностей. Точнее, он искуссно создает у читателей видимость такого сомнения ("Но что въспоминаю яже о дровех?"), чтобы затем, как бы устремив взгляд "горе", изобразить осененную благодатью обитель святой Троицы, не упустив деталей, заботливо сохраненных памятью "самовидцев": "Дивно бо поистинѣ бѣ тогда у них бываемом видѣти: не сушу от них далече лѣсу, яко же нынѣ нами зримо, но иде же келиам зижд[е]емым стояти поставленным, ту же над ними и древеса яко осѣняющи обрѣтахуся, шумяще стояху" (С.64). Вслед за этим эмоциональным всплеском агиограф вновь обращает взор долу, придавая тем

1/ Рогожникова Т.П. К характеристике словесных рядов в "Житии Стефана Пермского" // Вестник Ленинг.ун-та. Сер.2, 1988. Вып.3. – С.105.

самым композиции всего описания симметричный характер[1]: "Окресть же церкви часто колоды и пение повсюду обрѣташеся, уду же и различнаа сѣахуся сѣмена, яко на устроение оградным зелием" (С.64). Завершает описание перечень трудов Сергия, отличающийся особой, как будто даже утрированной, полновесностью: "и дрова на всѣх, яко же речеся сѣчаше; и тлъкущи жито, въ жрьновѣх меляше, и хлѣбы печаше, и варево варяше, и прочее брашно яже братиамъ на потребу устрааше; обувь же и порты крааше и шияше; и от источника, сущаго ту, воду въ двою водоносу почерпаа на своемъ си рамѣ на гору възношаше и комуждо у келий поставляше" (С.64,65).

По прошествии более пятнадцати лет со времени основания обители облик ее окрестностей начал быстро изменяться. Это произошло "въ днех княжениа князя великого Ивана сына Иваня" (26.3.1354 г. - 13.11.1359 г.). "Тогда, - повествует агиограф, - начаша приходити христиане, и обходити сквозѣ вся лѣсы оны, и възлюбиша жити ту. И множество людий всхотѣвше, начаша съ обаполы мѣста того садитися, и начаша сѣщи лѣсы оны, яко никому же възбраняюшу им. И сътвориша себѣ различныя многыя починъци, преждереченную исказиша пустыню и не пощадѣша, и сътвориша пустыню яко поля чиста многа, яко же и нынѣ нами зрима суть. И съставиша села и дворы многы, и насѣяша села, и сътвориша плод житенъ, и умножишася зѣло, и начаша посѣщати и учящати въ монастырь, приносяще многообразная и многоразличнаа потребованиа, имъ же несть числа"(С.83).

1/ О симметрии у Епифания см.: Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV-XV веков. Л.: Наука, 1987, С.97.

Археологические материалы сер.-втор.пол.XIУ в. свидетельствуют о том, что в этот период колонизационное движение охватило центральную и северную части Радонежской волости. В центре волости, на княжеских землях, между Радонежем и монастырем, возникла группа поселений вокруг села Киясовского, принадлежащего в кон.XIУ-XУ в. кн.Владимиру Андреевичу[1/]. В 3 км к юго-востоку от монастыря появились поселения, известные в пер.пол.XУ в. как вотчинные села Старое (Афанасьево) и Беклемишево (Глинково)[2/]. И, наконец, у самых стен обители, на противоположной от нее стороне р.Кончуры были основаны села Клементьевское и Княжее[3/]. К местоположению последних селений вполне применима фраза "Жития" "начаша съ обаполы мѣста того садитися". И появление многочисленных починков, и распашка полей, которые в начале XУ в. ("яко же нынѣ нами зрима суть"), судя по троицким актам, действительно окружали монастырь - все это позволяет видеть в в рассказе о "искажения пустыни" достаточно точное изображение реалий I350-х гг.

Облик монастыря и его окрестностей от возникновения Троицкой церкви во "внутренней пустыни" до периода процветания обители после установления "общего жития" изображена Епифанием, как можно было видеть, чрезвычайно "реалистично". В то же время целые пласты действительности остаются вне поля зрения агиографа. Так, например, лишь в одном месте говорится о передаче Иваном Калитой Радонежа кн.Андрею. Не отразилось в "Житии" и то, что в I350-60-е годы (а ведь этому периоду по-

---

I/ Акты социально-экономической истории... Т.I. - С.I27.

2/ Там же. - С.44, I45.

3/ Там же. - С.220, 566.

священо много страниц) Радонеж, а вместе с ним и земли, на которых располагался монастырь, входили в удел вдовы Калиты - княгини Ульяны. Не упомянута "болѣзнь... тяжка" Сергия Радонежского, отмеченная летописцем под 1375 г.[1/]

Подобную избирательность можно объяснить лишь тем, что картины монастыря и его окружения чрезвычайно существенны для агиографа. Здесь, у церкви Троицы, как в луче, сходятся нити, посредством которых тварное причащается творческим энергиям, нисходящим от Создателя. Здесь тварный мир преобразуется, говоря словами св.Григория Нисского, в "дивно составленную песнь в похвалу всемогущей Силе". Здесь открывается тайна тварного, которое предстает как "бытие совершенно новое, как творение, только что вышедшее из рук Бога... как тварный мир, Богу желанный и ставший радостью Его Премудрости"[2/].

Именно таким отношением к "Бого-зданному" миру можно объяснить "реализм" Епифания. Подтверждением тому является описание хлебов в главе "О изобиловании потребных".

Подобно теме пустынь - монастырь (прообраз горнего града) в "Житии" присутствует сюжетная линия голод - изобилие (духовное богатство). Хлеб возникает на страницах жизнеописания святого в виде частицы антидоры или просфоры, влагаемой ангелом в уста юноше Варфоломею. С этой частицей Варфо-

---

1/ ПСРЛ. Т.ХУ. Вып.I. Пгр., 1922, Стлб.109.

2/ Трактовка учения Церкви о тварном приведена по кн.: Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Богословские труды. УШ. М., 1971.-С.52,53. См. также о влиянии на Епифания произведений корпуса Дионисия Арсопа (Прохоров Г.М. Памятники... - С.119, 113).

ломею было передано "знамение благодати Божиа и разума Святого писаниа" (С.25).

В главе "О изобиловании потребных" хлеб вновь превращается в смысловой центр повествования. Епифаний описывает как Сергий в одну из нередких в ту пору (до "искажения пустыни") голодовок настаивает на соблюдении обета: "не исходити... из монастыря въ весь... или село и не просити у мирянъ потребных телесных" (С.84). Чтобы утолить голод Сергий устраивает сени перед кельей одного из старцев и, в качестве платы за свой труд, получает от него "решето хлѣбовъ гнилых" (С.85). Смиряя ропот одного из монахов, преподобный обращается к братии со словами увещевания. Не успевает он закончить свою речь, как приходит весть о том, что к воротам монастыря привезли столь недостающее обители "брашно". Следующее за тем описание присланных хлебов поражает своей почти "натуралистической" детальностью: "Бяху же хлѣби оны тепли суще и мягци, яко обычай есть новоиспеченым быти". Внимание к чувственно воспринимаемой стороне вещей не является для автора самоцелью, в чем убеждает следующая фраза: "Сладость же вкушениа их странна нѣкако и незнаема являшеся, и яко медвеною нѣкоею сладостию исплънены, уподоблены и преудобрены, и яко с маслом сѣмяннымъ устроени суще и преухыщрени, и яко нѣкотораа в них зелиа растворенна благоухана, сладость постную, яко мнѣти, и от сего имѣти являюще" (С.89). В завершение Епифаний объясняет истинную природу неизъяснимой сладости хлебов, сравнивая их с манной небесной ("И яко же древле израильняном нѣкогда в пустыне манна от Бога посылаема бяше" (С.89). Ниспосланная пища именуется Епифанием "не дѣланной", то есть нерукотворной.

Проведенное исследование, хотя оно и охватило ограниченный круг текстов, показывает, что природа и быт воспринимались Епифанием в свете особого видения тварного мира, которое порождало стремление запечатлеть прежде всего те его черты, которые имели, по мнению агиографа, непреходящий смысл. Этим объясняется внимание к жизненным реалиям, точное изображение которых было необходимо для того, чтобы "свѣтла, и сладка, и просвѣщенна нам всечестных нашихъ отець възсия память".

Поэтому чем явственнее видимый мир запечатлевал мир вечных реальностей, тем "реалистичнее" его изображение в "Житии". И, напротив, все тленное, суетное, все болезни столетия как тень исчезают в лучах подвига преподобного.